

В ПОИСКАХ ЖАНРА

А.В. Денисова¹

*Санкт-Петербургский университет МВД
Российской Федерации*

ФУНКЦИИ ХРОНОТОПА В «ЗИМНИХ ЗАМЕТКАХ О ЛЕТНИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Статья посвящена особенностям функции хронотопа в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского. Основное внимание уделено хронотопам дороги и города. На основе их анализа доказывается связь пространственно-временной организации произведения с его жанровыми особенностями. Установлено, что изменение хронотопа приводит к соединению разных жанровых традиций в произведении Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: «Зимние заметки о летних впечатлениях», хронотоп, жанровые особенности, жанровые традиции.

A. V. Denisova

*St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian
Federation*

THE FUNCTIONS OF CHRONOTOP IN «WINTER NOTES ON SUMMER IMPRESSIONS» BY FEDOR M. DOSTOEVSKY

The article is devoted to the peculiarities of chronotop function in the «Winter Notes on Summer Impressions» by Fedor Dostoevsky. The Emphasis is placed on the chronotope of the road and the city. Based on their analysis, the connection of spatio-temporal structure in the journalistic essay with its genre distinctions is stated. It was found that switches from one chronotop to the other lead to a fusion of different genre traditions in the text by F. Dostoevsky.

¹ Алина Валентиновна Денисова, кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД Российской Федерации

Key words: «Winter Notes on Summer Impressions», chronotope, genre distinctions, genre tradition.

«Зимние заметки о летних впечатлениях» Достоевский написал зимой 1862/1863 г. и опубликовал в журнале «Время» – № 2 и 3 за 1863 г. с подзаголовком «Фельетон за все лето» (как известно, он уехал из Петербурга в Берлин в начале июня, а вернулся около 14 сентября 1862 г.). С формальной, внешней стороны – это цикл из восьми путевых очерков, но уже в названии автор дал несколько жанровых определений. Первое – «заметки» – декларировало установку на фрагментарность, субъективность, незаконченность; второе – «впечатления» – вызывало ассоциации, связанные с сентиментальной традицией; подзаголовок, данный в журнальной редакции, соотносил произведение с фельетоном. В силу таких жанровых «наслоений» в литературоведении доминировало то одно, то другое жанровое определение этого произведения. Так, многие литературоведы в начале и середине XX в. не считали этот цикл художественным и относили его то к жанру путешествий, то к чистой публицистике. А.С. Долинин впервые отметил сходство поэтики и проблематики «Зимних заметок о летних впечатлениях» с «Письмами из Франции и Италии» и циклом «Концы и начала» А.И. Герцена, утверждая, что влияние последнего на Достоевского в эти годы было велико [Долинин, 1989].

В начале 1990-х годов исследователи творчества Достоевского увидели в «Зимних заметках о летних впечатлениях» новый тип синтеза художественного и философского материала – в частности, сопряжение исторических и метафизических планов повествования. Так, Е.Г. Новикова справедливо отметила проявление софийности «Зимних заметок...» в утверждении живого христианства, преодолевающего «мертвую букву» официального обряда. Основанием послужило то, что, наряду с социально-историческим наблюдениями автора, в этом произведении присутствует миссионерская и христианско-просветительская интенция [Новикова, 1999]. Как отмечено в Словаре-справочнике «Достоевский: Сочинения, письма, документы», в «Зимних заметках...» можно видеть «важный этап в развитии философии нероманной прозы

Достоевского <...> Именно философские основания авторской активности в “Зимних заметках о летних впечатлениях” возводят почти любой эмпирический факт в ранг культурного знака, мыслительной универсалии» [Акелькина, Щенников, 2008, с. 209-211].

Жанровая многозначность «Зимних заметок...» обуславливает особенности их пространственно-временной организации, поскольку взаимодействие разных жанров, их трансформация обязательно влияет на видоизменение хронотопа. Вот как об этом писал М.М. Бахтин: «Хронотоп в литературе имеет существенное жанровое значение. Можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время» [Бахтин, 1975, с. 235].

В своей статье «Поэтика хронотопа в “Зимних заметках» о летних впечатлениях» В.Н. Захаров пишет о том, что здесь великий писатель выразил свой идеал, «к которому должно стремиться, чтобы по-настоящему достичь свободы, равенства, братства» [Захаров, 2013, с. 180-201]. Идеал этот – в проповеди христианской любви к ближнему. «Достоевский проявил такую страстность в утверждении этого идеала, что можно дать лишь одно определение жанрового содержания его сочинения – поэма, вдохновенная поэма в прозе, поэма о России, прокламация писателем своих убеждений, его откровение в форме фельетонного обозрения “летних впечатлений”», – здесь он «создал оригинальный жанровый хронотоп, в котором реализована задача христианской проповеди. В фельетонной “болтовне” явлено Евангельское Слово, которое преобразует и творит мир, указывает исход русского пути» [Там же. С. 198; курсив автора статьи. – А.Д.]¹.

Если же отвлечься от сложности жанровых и хронотопных определений произведения, можно констатировать, что «Зимние заметки о летних впечатлениях» – это описание совершенного путешествия, предназначенное для читателя, чьи ожидания рассчитаны на уже освоенные литературой клише. В таком случае

¹ Везде, где это не оговаривается специально, все графические изменения в тексте принадлежат мне. – А.Д.

доминантным должен выступать хронотоп дороги. И отчасти Достоевский удовлетворяет эти читательские ожидания.

Хронотоп дороги подразумевал, прежде всего, физическое перемещение в пространстве, определение которого дал еще В.И. Даль: «Пространство – состояние или свойство всего, что простирается, распространяется, занимает место; само место это, простор, даль, ширь и глубь, место по трем измерениям своим» [Даль, 1996, с. 515]. Физическое пространство «соотносимо с понятиями “мир” и “бытие”, оно объективно, конкретно, реально, трехмерно в своей цельности, содержит материальные объекты, воспринимаемые при помощи зрения и других органов чувств; объекты заполняют пространство, конституируют и структурируют его» [Щукина, 2003, с. 8-9].

Такой хронотоп дороги, связанный с физическим пространством, к середине XIX в. был уже основательно освоен жанром путешествия, которое к тому времени претерпело значительные изменения. При этом наиболее продуктивным в русской литературе оказалось путешествие «гибридной формы» [Роболи, 1926, с. 48-49], которое сочетало этнографический, исторический материалы, сценки, рассуждения, лирические отступления. В «гибридном» путешествии в определенной степени уравнивали друг друга планы изображения и выражения.

Хронотоп дороги у Достоевского реализуется через одноименный мотив, который иногда декларируется подчеркнуто прямо, в заглавиях. Так II глава называется «В вагоне», IV глава – «И не лишняя для путешественников». Как правило, мотив дороги определяет содержание и переключку частей, становится стержневым для дальнейших рассуждений, организует их. Именно так построена I глава «Вместо предисловия»; в IV главе речь идет о спутниках автора по вагону. Нередко обращается внимание читателя на средство передвижения: «...двое суток скакал по чугунке сквозь дождь и туман до Берлина... проехал столько дорог за два с половиной месяца... поскорее улизнул в Дрезден... немедленно ускакал в Париж... теперь я

сизу в вагоне...» [Достоевский, 1973, с. 46-99]¹. Причем такой способ передвижения подчас дискредитируется: если вагон едет быстро, то его сопровождает туман или путешествующий устает от дороги; иногда надоедает празднично сидеть в вагоне, хочется деятельности, охватывает тоска, приходят «дурные мысли» о том, что будет, если столкнутся вагоны, и проч.

Однако привычный хронотоп дороги видоизменяется на глазах у читателя. Достоевский не только вводит «вагонные размышления» («Бог знает что иногда на безделье вздумается!»), «Парижские размышления», «Лондонские размышления» и т.п. – он создает иной хронотоп, вводя в него *ментальное пространство*. Оно, в отличие от физического, представляет собой некую модель мира, реальную или воображаемую², в которой есть взаимосвязь реального и мыслимого пространства. Р. Монтегю называет ментальную модель мира «возможным миром» [Montague, 1970, р. 68-94]. Ученые соотносят ментальное пространство с понятием «картина мира», отмечают, что оно субъективно, абстрактно, виртуально, содержит образные, понятийные, символические представления о пространственных характеристиках бытия; подчеркивают, что основной характеристикой этого типа пространства является антропоцентричность [Щукина, 2003, с. 9-10].

Основу картины мира составляет образ мира. Образ формируется восприятием, памятью, воображением и, по определению, всегда требует интерпретации и осмысления [Арутюнова, 1999]. Именно поэтому хронотоп дороги, включая ментальное пространство, перестает быть хронотопом пути и становится *хронотопом мира*. В него входят социальные и нравственно-этические категории, представляющие мир в его изменчивости, от- (раз-) граниченности, соположенности одновременных реалий, развернутости и динамике. И потому становятся возможными размышления Достоевского о Фонвизине в главе III, которая названа «И совершенно лишней». Ведь она

¹ При цитировании в тексте статьи указываются в круглых скобках: том – римской цифрой, страница – арабской.

² См. об этом: Gould, White, 1974, р. 312-317; Топоров, 1983, с. 227-284; Переверзев, 2000, с. 255-267.

действительно стала бы таковой в контексте ожидаемого читателем описания путешествия, но является органичной как проявление изменившегося хронотопа.

Хронотоп дороги/мира включает не только размышления автора – в нем органично оказываются представленными западноевропейские города, данные не только и не столько в географических подробностях, как того требовало традиционное путешествие. Лондон и Париж, главные столицы Западной Европы, наделены своей «физиономией», «привычками», тем особенным, что отличает их от других городов. Париж и Лондон почти одушевлены, представляя некий **тип, уклад** жизни. Можно говорить о том, что Достоевский создает не описание города, а **образ** города, вводя художественные зарисовки: описание «промышляющих женщин» в Лондоне (глава V «Ваал»), рассказ о посещении Пантеона в Париже (глава VII «Продолжение предыдущего»), глава VIII «Брибри и мабишь».

Таким образом, объектный уровень «Зимних заметок о летних впечатлениях» включает не только описание реалий конкретных западноевропейских городов – перед нами **образ** Западной Европы, где Достоевский видит страшное унижение (и уничтожение!) человеческой культуры, социальной мысли, искусства, да и всего человеческого общежития, в котором нет истинного братства, нет любящего начала в натуре человека: «...западная личность не привыкла к такому ходу дела <...> в природе французской, да и вообще западной, его (братства. – А.Д.) в наличности не оказалось, а оказалось начало личное, начало особняка, усиленного самосохранения, самопромышления, самоопределения в своем собственном Я...» (V, 78).

Образ становится средством познания действительности, а объектный уровень включается в область собственно художественного творчества. Логика пути незаметно, через многочисленные ассоциации, подменяется логикой развития авторских впечатлений, а затем – логикой развития авторской мысли. Впечатления становятся отправным пунктом для размышлений. Это не «чувствования» традиционного героя сентиментального путешествия, а именно размышления, которые включены в контекст общих проблем,

волновавших в то время не одного Достоевского и составивших идеологический стержень произведения. Таким образом, субъектный план не сводится только к эмоциональной реакции, – главным становится аналитическое восприятие увиденного, авторская оценка действительности, полемика, утверждение собственной позиции. Это план публицистический, являющийся для «Зимних заметок...» совершенно естественным – как органичен и естественен план художественный.

Ментальное пространство «Зимних заметок о летних впечатлениях» вбирает в себя и пространство города. Обнаруживается, что при его воплощении в произведении Достоевский, во-первых, вновь обманывает читательские ожидания, а во-вторых, опять видоизменяет константы хронотопа. Так, в самом начале произведения он перечисляет города, которые увидел во время своего путешествия: «Я был в Берлине, в Дрездене <...> в Париже, в Лондоне...» (V, 46). И читатель ожидает их описания во всем блеске, значимости, поскольку упоминаются города мирового значения, столицы. Подобное описание предполагало определенные клише: уличные зарисовки, особенности архитектуры, контекст истории того или иного города и т.п. Ничего этого у Достоевского нет. Традиционный хронотоп разрушается, но вместо него появляется новый...

«Ваал» – так обозначена глава о Лондоне. Ваал (евр. и араб. «Баал», букв. «владыка», «хозяин») – библейское название бога языческих семитов Палестины, Финикии и Сирии. В честь Ваала приносили человеческие жертвы. Культ Ваала имел сильное влияние на древних евреев, о чем свидетельствуют названия многих местностей, имена собственные, образованные от имени Ваал. Даже Бог (Яхве) называется Ваал (Веалия=Яхве есть Ваал [Ринекер, Майер]. Веалия (Бог-Владыка; 1 Пар. 12:5). «Это слово состоит из двух слов: Ваал-Иах – одно из лиц, перешедших к Давиду в Секелаге» [Библейская Энциклопедия]. «Скорее всего, в древности происходило смешение культа Ваала с почитанием Яхве <...> элементы культа Ваала проявлялись и в поклонении Яхве. Но, возможно, такое заимствование было неосознанным, и, по словам пророка, это смешение должно прекратиться после того, как Бог возродит Израиль» [Ринекер, Майер].

Называя так главу, Достоевский расширяет хронотоп, вводит в него историко-библейский контекст. Но здесь для писателя Ваал

становится символом буржуазного «благоденствия», в жертву которому принесен не только человек, но и народ.

Вместе с тем, хронотоп города (столицы) – и Лондона, и Парижа – моделируется как хронотоп маленького, провинциального по своей сути города. В Париже порядок, благоразумие, все определено, прочно. «Какое благоразумие, какие определено и прочно установившиеся отношения; как все обеспечено и разлиновано; как все довольны, как все стараются уверить себя, что довольны и совершенно счастливы, и как все, наконец, до того достарались, что и действительно уверили себя, что довольны и совершенно счастливы, и... и... остановились на этом. Далее и дороги нет» (V, 68). В европейской столице – закрытое пространство и время. Пространство замкнуто, а время словно остановилось. Достоевский находит для этого убийственное определение: «затишье порядка». Примечательно, что синонимом «затишья» по отношению к жизни общества выступает безвременье как «эпоха общественной пассивности, застоя». И еще одно сравнение, которое приводит Достоевский: «...еще немного, и полуторамиллионный Париж обратится в какой-нибудь окаменелый в затишье и порядке профессорский немецкий городок...» (V, 68). Здесь напрямую «окаменелый» в соотнесении с уже указанными значениями свидетельствует об отсутствии развития в пространстве и времени: «Париж суживается».

Казалось бы, Лондон шире и перспективнее Парижа. Но и это не так. В нем «замечается то же, что и в Париже: такое же отчаянное стремление с отчаяния «остановиться на statu quo^{**}», вырвать с мясом из себя все желания и надежды, проклясть свое будущее...» (V, 69). Именно поэтому, при внешней широте, в нем нет перспективы, а есть суэта, буржуазный порядок, отравленная Темза, не личности, а людская масса. И в контексте такое описание лишь подтверждает мысль Достоевского о прекращении поступательного движения Западной Европы – в отличие от России, которой уготовало великое будущее.

Таким образом, хронотоп города эксплицирует авторскую картину мира – и этим данный хронотоп принципиально меняет

** Существующее положение (лат.).

привычный хронотоп путешествия. С одной стороны, он включает в себя историческую перспективу, которая связана с авторской позицией и обусловлена ею. С другой – столичный город, описанный Достоевским, низводится на уровень бытовой локальности и представляет собою (перефразируя слова М. Громова о Чехове) внешнее проявление душевного застоя и нравственного захолустья.

Два с половиной месяца, пока Достоевский был в Европе (и об этом он в начале своих «Зимних заметок...» сообщает читателю), оказываются не столь уж важными для писателя. Реальное время и пространство в глазах читателя преобразуется в художественное. Достоевский видоизменяет хронотоп, и это приводит к жанровым сдвигам. М.М. Бахтин метафорически замечал: «... всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [Бахтин, 1975, с. 406]. Не описание Западной Европы было важно для Достоевского. Для него принципиальным оказывался разговор с читателем о проблемах, которые обнаружились в поездке. Необходимо было не столько рассказать об увиденном, сколько поговорить с читателями о важных для всего общества проблемах, волновавших самого писателя. И начав с декларации о совершенном путешествии, Достоевский уходит от привычного жанрового канона, поскольку меняется вся конструкция хронотопа, а это влечет изменение смыслов и – как следствие – проявляется в названии произведения, которое включает сразу несколько жанровых обозначений, по сути превращаясь в эссе – жанр художественно-публицистический, находящийся на пересечении литературы и публицистики и по природе своей близкий задачам и целям великого русского писателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акелькина, Е.А., Щенников, Г.К. Зимние заметки о летних впечатлениях // / Е.А. Акелькина, Г.К. Щенников // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. – Санкт-Петербург: Изд-во Пушкинского Дома, 2008. – С. 209-211.

Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – Москва: Художественная литература, 1975. – 502 с..

Библейская Энциклопедия: Труд и издание Архимандрита Никифора. – Москва, 1891. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sbible.ru/nik03.htm> (дата обращения: 15.02.2016).

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3 / В.И. Даль. – Санкт-Петербург: ТОО «Диамант», 1996. – С. 515.

Долинин, А.С. Достоевский и другие / А.С. Долинин. – Ленинград: Художественная литература, 1989. – 478 с.

Достоевский, Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. V. – Л.: Наука, 1973. – С. 46-99.

Западов, В.А. Александр Радищев – человек и писатель / В.А. Западов // Радищев А.Н. Сочинения. – Москва, 1988. – С. 14-15.

Захаров, В.Н. Поэтика хронотопа в «Зимних заметках» о летних впечатлениях Достоевского / В.Н. Захаров // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: вып. 8. – Москва; Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2013. – 460 с. – (Серия «Проблемы исторической поэтики»; вып. 11).

Новикова, Е.Г. Софийность русской прозы второй половины XIX века: евангельский текст и художественный контекст / Е.Г. Новикова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. – 253 с.

Переверзев, К.А. Пространства, ситуации, события, миры: К проблеме лингвистической онтологии / К.А. Переверзев // Логический анализ языка. Языки пространств. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – С. 255-267.

Ринекер, Ф., Майер, Г. Библейская энциклопедия Брокгауза / Ф. Ринекер, Г. Майер. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/biblejskaja-entsiklopedija-brokgauza/> (дата обращения: 04.02.2016).

Роболы, Т. Литература путешествий // Русская проза. – Ленинград: Academia, 1926. – С. 48-49.

Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – Москва: Академический Проект, 2001. – 990 с.

Топоров, В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – Москва: Наука, 1983. – С. 227-284.

Щукина, Д.А. Пространство в художественном тексте и пространство художественного текста / Д.А. Щукина. – Санкт-Петербург: Филологический ф-т СПбГУ, 2003. – 218 с.

Gould, P.R., White, R. Mental maps. – Harmondsworth, 1974. – P. 312–317.

Montague, R. Pragmatics and Intentional Logic // Pragmatics and intensional logic // Synthese. – 1970. V. 22. – № 1. – P. 68–94.